

Трансграничность в условиях закрытой границы: динамика памяти в приграничных районах Республики Карелии

Варвара Александровна Михайловская ^[1]

ORCID: 0009-0004-9596-7042

✉ vamikhaylovskaya@edu.hse.ru

^[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Михайловская, В. А. (2024). Трансграничность в условиях закрытой границы: динамика памяти в приграничных районах Республики Карелии. *Фольклор и антропология города*, VI(4), 26–60. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-4-26-60.

Последствия геополитической турбулентности ярко проявляют себя на границах государств, оказывая влияние на режим функционирования самой границы и повседневную жизнь на приграничных территориях. Происходящие социокультурные трансформации и осмысление жителями новых условий в приграничье возможно исследовать через нарративы памяти, на которые глобальные вызовы накладывают свой отпечаток. Статья посвящена динамике исторической памяти в приграничье России и Финляндии, переживающем закрытие государственной границы и кризис межгосударственных отношений. Используя существующие концепции исследований границ и исторической памяти, автор предпринимает попытку анализа нарративов о прошлой трансграничности районов Карелии, граничащих с Финляндией, на примере Сортавальского муниципального района и Костомукшского городского округа. В исследовании утверждается, что сдвиги в исторической памяти можно отследить через рассмотрение нарративной насыщенности и четкости категорий «других», конструируемых на основе взаимодействия с ними агентов нарративов и удаленности категорий в прошлое; через анализ роли рефлексирующей и реставрирующей ностальгии в восприятии культуры памяти населения соседней страны; с помощью дифференцирования уровней трансграничных отношений на низовой и межгосударственный, при которых различаются катализаторы и мотивы взаимодействия двух сторон; посредством анализа изменения значения самой границы и приграничного положения, что определяет стратегии социальной адаптации населения к новым условиям в приграничье. В первой части статьи рассматриваются исторические события, актуальные для для Сортавальского района и Костомукшского округа, которые формируют основу для нарративов памяти. Во второй части, состоящей из трех разделов, анализируются сами нарративы, выявленные в собранных автором в 2023–2024 годах интервью.

Ключевые слова: Карелия, трансграничность, историческая память, фронтирные «другие», трансформация приграничья

Благодарности

Автор выражает сердечную благодарность жителям исследуемых районов Карелии за предоставленную информацию для анализа. Также автор благодарит коллег по экспедициям за возможность использования части общих данных, необходимых для написания этой статьи, Дарью Радченко за помощь в работе и рецензенту за ценные замечания.

Проведенные полевые исследования были поддержаны НИУ ВШЭ по программе «Открываем Россию заново» и Лабораторией социогуманитарных исследований Севера и Арктики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Междисциплинарные многовекторные исследования языка: социальные нормы и практики современной России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY V. 6. N. 4. 2024

Transboundary nature of a closed border: Memory dynamics in Karelia's border areas

Varvara A. Mikhaylovskaya^[1]

ORCID: 0009-0004-9596-7042

✉ vamikhaylovskaya@edu.hse.ru

^[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

To cite this article:

Mikhaylovskaya, V. A. (2024). Transboundary nature of a closed border: Memory dynamics in Karelia's border areas. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(4), 26–60. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-4-26-60.

The consequences of geopolitical turbulence are vividly manifested at state borders, influencing the functional mode of the border itself and the everyday life of borderland communities. The ongoing socio-cultural transformations and the border residents' reflections on new life conditions can be explored through narratives of memory, which are being shaped by global challenges. The article focuses on the dynamics of historical memory in the borderlands of Russia and Finland, particularly in the context of the closure of the state border and the crisis in interstate relations. Using existing concepts in border studies and historical memory research, the author attempts to analyze narratives about the past cross-border interactions in the Karelian regions bordering Finland, specifically examining the Sortavala municipal district and the Kostomuksha urban district. The study argues that shifts in historical memory can be traced through an examination of narrative density and the clarity of categories of “others”, constructed based on interactions with narrative agents and the remoteness of these categories in the past. It further analyzes the role of reflective and restorative nostalgia in shaping perceptions of the memory culture among residents of neighboring countries. The author also differentiates levels of cross-border relations at both grassroots and interstate levels, describing different catalysts and motives for interaction. The paper also examines changing significance of the border itself and its borderland status, which determines strategies for social adaptation to new conditions in these areas. The first part of the article examines historical events in the Sortavala and Kostomuksha district that form the basis for memory narratives. The second part consists of three chapters and analyzes the narratives identified through interviews which were collected by the author in 2023–2024.

Keywords: Karelia, transboundary nature, frontier “others”, transformation of borderland

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к исторической памяти и объяснение с ее помощью современных событий существует не только в исследовательском, но и в публичном поле. Включая историческую память в официальный дискурс, политические деятели формулируют политику памяти, актуальную в определенное время и в определенном месте [Tatunts, Ponomareva 2021]. В качестве примера рассмотрим характерную для такого дискурса цитату Артура Парфенчикова, главы одного из приграничных субъектов России, Республики Карелии, от марта 2024 года:

Если мы углубимся в нашу историю — это тоже была беспокойная граница. Это были набеги, походы со стороны Запада... Я всех обращаю к посланию Президента. Он четко обозначил, что западные границы России будут укрепляться, и будет обеспечиваться безопасность нашей страны. «...» Поэтому мы все вместе свои трудом, своей бдительностью, своим патриотизмом будет крепить западные рубежи нашей огромной страны. В этом наша тысячелетняя историческая миссия — нашей Корелы, нашей Олонецкой губернии, нашей Карелии. Мы всегда стояли здесь на северо-западных рубежах нашей Отчизны¹.

Как видно из цитаты, память об истории приграничной Карелии, геополитическое положение и этнический состав которой неоднократно претерпевали изменения, становится особенно актуальной в современных отношениях между Россией и европейскими странами и оказывается инструментом конструирования идеологического образа региона.

Приграничный статус Республики Карелии может трактоваться не только как конечность одной страны, но и как близость другого государства, в роли которого для региона выступает Финляндия. Их долговременное соседство закономерно приводит к взаимопроникновению на разных уровнях — языковом, социальном, экономическом, повседневном и историко-культурном [Hønneland 2010]. Наиболее ярко это выражается в примыкающих к государственной границе районах Карелии: за последние 30 лет, с 1990-х по 2020-е годы, открытость республики и соседней страны формировали так называемую «буферную», или трансграничную, зону, а связанность территорий и их жителей по обе стороны границы стимулировали появление и кристаллизацию специфического нарратива о прошлом Карелии, где историческая память одной страны связывается с памятью другой.

Глобальная турбулентность начала 2020-х годов в виде пандемии, ухудшения отношений между Россией и европейскими странами и обострения «мигрантского кризиса», приводят к закрытию российско-финляндской границы: с конца 2023 года ее любое легальное пересечение невозможно, а существовавшие межгосударственные (или

¹ <https://karelia.news/news/10114127/vrag-zdes-ne-proshel-glava-karelii-nazval-istoricheskuyu-missiyu-regiona/?ysclid=lwb8sbojap751790446>

трансграничные) проекты приостановлены или свернуты². Это, в свою очередь, не только изменяет жизнь приграничных районов Карелии, но и стимулирует переосмысление существующих нарративов исторической памяти и их адаптацию к сложившимся в регионе условиям.

В статье мы постараемся зафиксировать и проанализировать социокультурную динамику в области памяти, связанную с изменением проницаемости государственной границы между Россией и Финляндией, то есть ее открытости для пересечения людьми, товарами и нематериальными сущностями — информацией, нарративами, идеологиями и т. д. Внимание будет сосредоточено на ситуации в приграничных районах Республики Карелии: на юго-западе, в Сортавальском муниципальном районе, и северо-западе, в Костомукшском городском округе. Подобные социальные трансформации на приграничной территории с российской стороны, связанные с трансграничным сотрудничеством, образованием, экономическими и политическими условиями, личными взаимоотношениями жителей и представителей институций, мы рассмотрим через нарративы исторической памяти и ответим на вопрос, как изменение проницаемости границы, то есть степени ее открытости, отражается в этих нарративах.

Исследование основано на полевых материалах, собранных в результате двух антропологических экспедиций в Республику Карелию в 2023–2024 годах. Основной метод сбора материала — полуструктурированные и глубинные интервью с жителями населенных пунктов в Сортавальском районе и Костомукшском округе. В качестве собеседников выступают жители выбранных приграничных районов: представители местной административной власти, школ, музеев, культурных центров, библиотек, поисковых отрядов, заповедников, обществ дружбы, лютеранских церквей, творческих коллективов; сотрудники финских компаний, работающие или работавшие вахтовым методом, экскурсоводы, копатели, предприниматели. Для проведения дискурс-анализа и выделения ключевых аналитических категорий в статье используется метод кодирования, применяемый в обоснованной теории [Liu, Kang 2016].

КАРЕЛИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ГРАНИЦ И ПАМЯТИ

Теоретическое осмысление границ и исторической памяти. Граница — это социальный изменчивый феномен, балансирующий между функциями разделения и взаимопроникновения [Wilson, Donnan 2012]. Если разделительная функция интуитивно понятна, то интеграционная требует пояснений: в условиях проницаемости границы как в географическом, так и в социальном контексте, а также интен-

² <https://iz.ru/1610390/2023-11-24/korrespondent-izvestii-podtverdila-zakrytie-kpp-liuttia-na-granitse-s-finlandiei>

сификации коммуникации между двумя сторонами граница размывается, формируется упомянутая нами буферная зона. Она подразумевает (вос)производство культурного, экономического и политического пространств через практики, в том числе исторической памяти. По этой причине, считает политический географ Анси Пааси, социальное устройство приграничья возможно изучать через его «сильную нарративную составляющую», которая формируется за счет переплетения социальных отношений между людьми и локальными текстами о прошлом фронтирного региона [Paasi 1996: 6–12].

Говоря об изучении социальных феноменов на приграничной территории через нарративы, упомянем тезис политолога Гейра Хённеланда об изменчивости идентичностей, конструируемых в связи с социальной ситуацией на границе. В своем исследовании российско-норвежского приграничья он задается вопросами зависимости идентификации жителей с регионом и, шире, государством от близости границы и отношения к людям, проживающим по ее другую сторону. Хённеланд доказывает, что при нарративном конструировании идентичностей акторов существующие индивидуальные, публичные и метанарративы (вос)производятся ими для создания собственных биографий и определения своей самости. Это происходит не без влияния нарративных ресурсов государств — формы многоуровневой социальной и символической власти, способности создавать и поддерживать доминирующие нарративы, интегрированные в социальные практики [Hønneland 2010: 6–8]. Так, на примере приграничной Карелии мы рассмотрим видоизменения доминирующих и периферийных нарративов, их закрепление или исчезновение. Это поможет нам зафиксировать происходящую в российско-финляндском приграничье пересборку идентичностей акторов и символического образа фронтира, материального или символического места столкновения с «чужим» — другой культурой, страной, образом мышления [Billington, Ridge 2001].

Нарративы о прошлом удобно рассматривать через классическую концепцию культурной памяти Алейды Ассман. Для нее понятие культурной памяти основывается на предложенных Яном Ассманом экстернизированных символических конструкциях, собранных из накопленных смыслов общества. Такая память охватывает длительный период времени, но не ограничивается далеким прошлым — через нарративы и практики акторов она перерабатывает в символические представления живую память недалекого периода в прошлом [Ассман 2014: 31]. Рассматривая трансформации памяти, возникающие в процессе реконструирования прошлого и настоящего приграничного региона, нам важно учесть ее взаимосвязь с историей, которую Ян Ассман представляет продуктом воспоминаний, воссоздающих фактические происходившие события, и которая способна их обосновать [Ассман 2022]. В статье мы сосредоточимся на термине «историческая

память», близком по смыслу понятию культурной памяти по нескольким причинам:

1) Распространенная традиция использования понятий культурной или коллективной памяти критикуется за ее обобщенность, междисциплинарную расплывчатость и нединамичность [Olick 2009: 249; Kansteiner 2002: 179];

2) Концепция исторической памяти комбинирует в себе предлагаемые разными исследователями понимания коллективной и культурной памяти и используется для анализа идентичностей, национальных дискурсов и других вопросов самоопределения сообществ на постсоветском пространстве [Kotliar 2021: 78; Сафронова 2021; Ростовцев, Сосницкий 2014: 106];

3) Выбранная концепция используется в работе для обозначения двух особенностей памяти: производности символических смыслов из более глубокой и отрефлексированной индивидуальной памяти и дублировании принятых в историографии паттернов наррации [Hubbell et al. 2020].

Так, историческая память представляется достаточно удобной для анализа трансграничной социокультурной динамики: с ее помощью мы сможем выявить доминирующие нарративы, а также включить в дискурс памяти периферийные нарративы отдельных акторов. В числе прочего при анализе нарративов о транс- и приграничности мы столкнемся с репрезентацией ностальгии и культурных травм как в качестве кристаллизованных в исторической памяти феноменов, так и в качестве нарративных структур постпамяти [Hirsch 2008: 103] или живой памяти нынешнего поколения.

Сортавальский муниципальный район: представление территории и локальной памяти. Выбранные нами для рассмотрения районы — Сортавальский муниципальный район и Костомукшский городской округ, — как было замечено ранее, являлись до недавнего времени узловыми пунктами трансграничных отношений между Россией и Финляндией. С одной стороны, и юго-западный, и северо-западный районы Карелии похожи трансграничной ситуацией, наблюдавшейся в 1990–2020-е годы, и наличием на их территориях международных пунктов пропуска (Вяртсиля-Ниирала и Люття-Вартиус соответственно). С другой стороны, предпосылки формирования трансграничности и ее характер, как мы покажем далее, различаются. Позволим себе рассмотреть ключевые моменты истории этих районов, которые становятся основой для производства дискурса исторической памяти о трансграничности Карелии, по крайней мере, в символическом пространстве.

Город Сортавала и Сортавальский муниципальный район как часть исторического региона Северного Приладожья³, расположенного в се-

³ В Северное Приладожье помимо Сортавальского муниципального района входят Лахденпохский муниципальный район и Питкярантский муниципальный округ. Однако наше внимание будет сосредоточено, в основном, на Сортавальском районе, где находится наиболее крупный

Илл. 1. Туристический маршрут на «Городище Паасо». Фотография А. А. Буренина
Ill. 1. Tourist route to «Paaso Hillfort». Photo by A. A. Burenin

верной части Ладожского озера, в исследовательском поле имеют долгую историю в качестве фронтирного региона [Мельникова 2015: 14]. Условно разделим историю Северного Приладожья на пять периодов, к которым апеллируют в своих нарративах жители региона и которые рассматриваются исследователями Карелии как с российской, так и с финской стороны. Первый, «карельский», период занимает значительное место в идентичности Сортавала⁴ и прилегающих территорий, он датируется приблизительно VIII–XII веками. В исследованиях и нарративах собеседников данный период скорее определяется как «древний» и относящийся к далекому прошлому, нежели указываются хронологические рамки: «Вот эта история про карелов, например, городище Паасо, это же древние карелы, которые когда-то издревле эту территорию заселяли»⁵. На этих землях жили представители финно-угорских народов, предки современных карелов, которые признаны коренным населением республики. Первое зафиксированное население Приладожья, в некоторых источниках называемое «этносом Карьяла», в социальном и материальном пространстве района малочисленно, однако может вписываться в категорию «наследия», которая включает в себя как материализованную память и понимание символической ценности, так и управление и политику [Bendix et al. 2013].

город в Приладожье и пограничный пункт.

⁴ По мнению некоторых местных жителей, название города не склоняется и относится к мужскому роду — в тексте используется именно такой вариант употребления.

⁵ Е. К. — ж., 1966 г. р., гид, Сортавала.

Илл. 2. Информационный стенд с историей «Городища Паасо».

Фотография А. А. Буренина

III. 2. Information board about the history of «Paaso Hillfort». Photo by A. A. Burenin

Наиболее крупный исторический объект в районе, пример природного наследия [Meskell 2012] — «Городище Паасо»⁶ (в исследовательской литературе упоминается как крепость Линнанмяки) — располагается в нескольких километрах от города Сортавала [Izotov 2018: 15]. С развитием внутреннего туризма и ростом спроса на «карельский» бренд и историю, гора в окрестностях Сортавала, на которой проводились археологические работы, превращается в туристическую точку притяжения с платным посещением, реконструированными элементами крепости, проложенными пешими маршрутами и информационными стендами (см. Илл. 1, Илл. 2).

Еще одно материальное и символическое наследие карелов в регионе — присутствующий в социальном пространстве карело-финский эпос «Калевала». К примеру, в Сортавала на фасадах домов можно встретить советские мозаики с эпическими сюжетами о Вяйнямёйнене, старухе Лоухи, Укко и других героях «Калевалы»: созданные в позднесоветское время, на настоящий момент они являются скорее «народной» достопримечательностью (см. Илл. 3, Илл. 4).

В соседнем городе Лахденпохья располагается галерея под открытым небом, где выставлены вырезанные из дерева фигуры героев эпоса, созданные приглашенными и местными художниками в рамках местного фестиваля (см. Илл. 5).

⁶ <https://vk.com/paasonvuori>

Илл. 3. Советская фреска с сюжетом из «Калевалы» в Сортавала по адресу ул. Карельская, д. 21. Фото автора статьи

Ill. 3. Soviet fresco depicting a scene from the Kalevala in Sortavala (21 Karelskaya St.)
Photo by the author

Илл. 4. Советская фреска с сюжетом из «Калевалы» в Сортавала по адресу ул. Карельская, д. 16 Фото автора статьи

Ill. 4. Soviet fresco depicting a scene from the Kalevala in Sortavala (16 Karelskaya St.)
Photo by the author

Илл. 5. Сквер «Калевала» в городе Лахденпохья. Фото автора статьи
Ill. 5. «Kalevala» Park in Lakhdenpohya. Photo by the author

«Карельское» для Сортавальского района является скорее региональным, нежели этническим маркером из-за миграции коренного населения в другие районы Карелии [Там же: 60]. Также символическая карельскость района и, в целом, республики характеризуется малочисленностью коренного населения, составляющего около 4,8% от общего числа жителей Карелии⁷. Несмотря на это, материализованная память о карельском прошлом используется на административном уровне для двух целей: привлечения туристического потока за счет демонстрации наследия «древних карел», которое имеет еще шведские корни, и объединения местного сообщества на идеях общегосударственного возрождения, как мы видели в цитате Артура Парфенчикова [Мельникова 2017: 100].

Следующие два периода назовем «новгородским» и «шведским». Насколько можно судить из существующих исследований, они не получают такого широкого распространения в нарративах памяти. Для нас имеет значение, что в это время начинается пограничное разме-

⁷ <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

жевание Приладожья [Мельникова 2015: 14–16]: до XVI века оно находилось под властью Великого Новгорода, которая усиливалась фактом обращения карельского населения в православие. Как мы увидим далее по тексту, в современных условиях нарративная популярность новгородского периода вырастает, но выглядит недостаточно кристаллизованной в памяти собеседников: новгородцы пока не являются для них «другими», но сам период уже имеет определенную нарративную стратегию. Материальным наследием, символически присутствующим во всем пространстве Приладожья, является Валаамский монастырь, связанный со временем первых задокументированных упоминаний. Однако в нарративах он скорее связан с православной Карелией в целом, без привязки к конкретному времени, тем более что свою паломническую популярность монастырь получил позже:

Финны, отделившись от России, получили в подарок Валаамский монастырь. Это просто православный северный Афон, крупнейший монастырь России. Конечно, они поняли, что после революции [1917 года] многие наши эмигранты, образованные и достаточно воспитанные люди, хотели поклониться святым местам. Но они [эмигранты] боялись ехать в молодую Советскую Республику, потому что было неизвестно, чем все это закончится. Но они с удовольствием ехали через Финляндию в «северную мекку»⁸.

После Столбовского мирного договора в начале XVII века территории отошли шведам, которые основали Сортавала, развивали другие поселения на территории нынешних Сортавальского, Лахденпохского и Питкярантского районов [Izotov 2018: 16; Нейкен 2015]. Шведский период Приладожья в научном и публичном дискурсах, а также в нарративах жителей фигурирует через обращение к категории наследия, так как основная городская инфраструктура в регионе появилась в XVII веке. Помимо этого шведы обуславливают следующий, финский, период для региона, косвенно влияя на рост финского самосознания и национального подъема, которые спустя век найдут свое отражение в появлении «Калевалы» и расцвете карелианизма. В процессе работы шведского совета по национальному наследию (швед. *Riksantikvarieämbetet*), который также называют коллегией по изучению древностей, во второй половине XVII века было обращено внимание на фольклорное творчество жителей Приладожья и современной северной Карелии — руны. Несмотря на то, что работа с наследием должна была подтверждать доминирование шведской культуры над финской, устное творчество в числе других карельских «древностей» иногда трактовалось наоборот [Конкка, Конкка 2010]. В 1721 году по результатам Северной войны и Ништадтского мира Приладожье отошло обратно к Российской империи, город Сортавала переименовали в Сердоболь.

В начале XVIII века Северное Приладожье включили в состав Российской империи, а именно, новообразованного Великого княжества

⁸ В. Р. — м., 1960 г. р., политический активист, Сортавала.

Финляндского, обладавшего широкой автономией в составе российского государства [Katajala 2012]. С этого момента можно отсчитывать финский период, длившийся до 1940-х годов и оставивший после себя множество проявлений исторической памяти в регионе. Как описывается в отечественных и зарубежных источниках, Северное Приладожье играло и играет значительную роль для построения финской национальной идентичности. Еще до становления независимой Финляндии эти территории выступали в качестве «форпоста карелианизма» [Sihvo 1999] за счет конструирования единства вокруг финского и карельского этносов не без помощи нарратива о происхождении карело-финского эпоса «Калевалы». Помимо этого при финнах (1910–1930-е годы) Сортавала превратился из небольшого торгового городка, специализирующегося на дегте, в культурный центр независимой Финляндии: здесь проводились всефинляндские певческие праздники и предлагались туристические маршруты по карельским рунопевческим деревням [Матвеева 2021: 51–52]. В это время город и район активно застраивались, развивались культура, образование и промышленность: многие здания сохранились до настоящего времени и, если переводить на язык памяти и наследия, стали для жителей города материализованной памятью об эпохе, инструментом осмысления локальной идентичности [Лоуэнталь 2004].

1940-е годы отмечены очередным кардинальным изменением социальной, культурной, политической и экономической жизни Приладожья: в начале 1940-х годов регион переходил из рук в руки между Финляндией и СССР. Позже, в 1944 году, современные Сортавальский, Лахденпохский и Питкярантский районы окончательно отошли Советскому Союзу и на несколько десятков лет превратились в закрытые для финнов территории. Как это часто описывается в финской научной литературе, Карелия⁹ стала для многих поколений населения Финляндии «местом памяти и утопий» [Fingerroos 2008], недостижимой Атлантидой [Мельникова 2015: 18]. В этом процессе наравне с материальным наследием сыграли роль нематериальное наследие и центральная тема этой статьи — память. Мы еще вернемся к отражению в нарративах финской ностальгии о потерянном месте формирования национальной идентичности и культурной травмы при дальнейшем анализе полевого материала. Пока важно сказать, что такой нарратив используется российскими и финскими институциями и индивидуальными агентами в идеологических целях, для «сакрализации» памяти и реализации политических и социальных идей, связанных с консервативными, националистическими и религиозными установками [Łukianow, Wells 2022], в том числе идеи возвращения Приладожья в состав Финляндии.

Четвертый, советский, период истории Северного Приладожья связан с опытом адаптации эмигрировавшего советского населения. Это время отмечено изучением опыта сожительства в «чужом» финском

⁹ Имеются в виду территории Северного Приладожья и Выборга.

пространстве переселенцев из разных регионов РСФСР: идентичность первого поколения переселенцев и их потомков в Приладожье формируется в иных условиях, нежели это было для финского населения, для которого эти земли функционировали как источник национальной идеи единства финно-карельского народа [Веригин 2017: 42–48]. Также отметим, что граница в советское время оставалась непроницаемой и мало отражена в исследованиях памяти: для послевоенного Сортавала и других населенных пунктов дискурс приграничности становится актуальным только в 1960-е годы при либерализации советской власти. Более того, в нем граница играет исключительно функцию разделения, а фронтир, которым представляется регион, выполняет оборонительную задачу [Изотов 2008: 56]. По этой причине советские жители до конца 1980-х годов мало знали о предыдущих хозяевах территории и переизобретали смысловое и материальное наполнение Приладожья [Iljukha 2020].

Постсоветский период, начавшийся с распадом Советского Союза, знаменуется в дискурсе памяти несколькими важными для Приладожья нарративами. Открытие в конце 1980-х годов границы с Финляндией и демилитаризация Сортавала как приграничного города вызвали развитие финского туризма, который получил название «ностальгического». Основными местами посещения «бывших хозяев» Приладожья были их прежние хутора, дома в черте города, квартиры [Korjonen-Kuusipuro, Kuusisto-Arponen 2012]; другим сакральным местом стали объекты мемориальной культуры — финское кладбище, которое в советское время оставалось заброшенным [Мельникова 2019], и монументы погибшим финским солдатам во время советско-финляндской и Великой Отечественной войн [Бабин 1984; Матвеева и др. 2021: 137–138]. Помимо этого жители приграничной Финляндии, как и жители с российской стороны, пересекали границу для покупки продуктов, посещения досуговой инфраструктуры, богослужений. Также развивавшаяся в это время трансграничность привела к возникновению дружеских, семейных и деловых связей между двумя регионами: налаживалась трансграничная торговля лесом, рыбой, продуктами тяжелой промышленности и сотрудничество в образовании, культуре, инфраструктурных проектах. Многие семьи тоже стали трансграничными: муж или жена были финнами, дети могли учиться и работать в Финляндии, часть жителей Приладожья работала на производстве в Финляндии вахтовым методом [Матвеева, Радченко, Петров 2021]. Во второй половине 2010-х годов регион начал притягивать внутренних туристов за счет восстановления Валаамского монастыря, возведения других туристических объектов и привлекательной природы Карелии [Изотов 2008]. Благодаря этому, а также сотрудничеству с Финляндией, вновь становится актуален нарратив о карельском прошлом территории: в июле проводится Карельский песенный фестиваль, развиваются краеведческие музеи, «карельская» гастрономия [Мельникова 2017].

Костомукшский городской округ: история и актуальные нарративы. Обратимся к историографии как к ресурсу исторической памяти на севере Карелии. Несмотря на более скудный набор источников об истории и динамике памяти в Костомукшском городском округе, постараемся подобным образом выделить опорные точки, важные для конструирования памяти костомукшан. Отметим, что этот район здесь и далее мы будем называть Костомукшей по названию единственного города в округе и наиболее крупного населенного пункта помимо деревни Вокнаволоок. В то время как в Приладожье формировалось финно-угорское население, север Карелии, в том числе территории современной Костомукши, были заселены лопарями (лесными саамами), которые в дальнейшем переселились на северо-запад, в северо-восточную часть нынешней Финляндии и Мурманскую область [Леонтьев 1990: 7; Бубрих 1947]. Карельский период для Костомукшского округа начинается с миграции на эти земли карелов из Приладожья и формирования здесь постоянного коренного населения северных карелов. Помимо земледелия, люди здесь занимались оленеводством, рыбалкой, добычей и обработкой болотной руды и коробейничеством: последний промысел, сохранившийся до начала XX века, позволил сформировать тесные транскультурные отношения с территорией современной Финляндии, которую в Средневековье населяли шведы, а затем также карелы и саамы [Бернадский и др. 1957: 83]. На оформление трансграничности территории влияло и то, что четкой границы в удаленном северном районе долгое время не было:

Раньше же здесь не было границ-то у нас никаких. И сто лет было, сколько там, до восемнадцатого года вообще не было ничего. Туда-сюда ходили коробейники и все. Вот эти кестели, это же коробейники ходили. Все время вот торговали и все. Вот здесь вот эта приграничная территория вся, она была вся, получается, ну как, единое такое все было¹⁰.

Период доминанции карельской культуры и населения продлился в Костомукше до прихода советской власти в начале XX века. За эти века северный регион Карелии затронули шведские нашествия, ознаменовавшие шведский период в Приладожье, появились деревни Костомукша и Контокки — современный район города Костомукши. Несмотря на формальное отсутствие шведского периода, подобного тому, что мы видели в Северном Приладожье, шведское присутствие выражается на севере Карелии не только в набегах, но и в квазиисторическом нарративе о происхождении названия Костомукши. Согласно первоначальной версии легенды, записанной в 1892 году финским этнографом Луисом Спарре, в конце XVI — начале XVII веков (в других источниках — в XIV веке) с финской территории пришли шведы и в праздничный день сожгли в костомукшской церкви местных прихожан. Молодежь, оставшаяся в живых, несколькими годами позже отомстила шведам — утопила в озере. Карельское слово *koštamuš*,

¹⁰ С. К. — ж., 1953 г. р., пенсионер, участник коллектива Hete, Костомукша.

имеющее в некоторых переводах значение «мечь, возмездие», действительно, идентично карельскому и финскому названию города Костомукши, а финское *kostaminen*, также обозначающее мечь и возмездие, имеет тот же корень [Леонтьев 1990]. Легенда как нематериальное наследие сохраняется в памяти современных жителей города, хоть и с некоторыми изменениями передавая смысл названия.

Вот если дальше проехать туда, там была деревня Костомуша, старая деревня. Есть легенда, что шведы еще в первую войну в 1600-х годах, помоему, шведы очень сильно карелов вырезали, приходили сюда и вырезали. И мужики [карелы], когда пришли и увидели это, собрались и перерезали шведов¹¹.

Несмотря на активные военные действия между шведами и Российской империей в Костомукшском округе, граница между Россией и Швецией (затем Финляндией) оставалась неизменной, а после XVIII века регион стабильно развивался, сохраняя нетронутой северо-карельскую культуру и устройство жизни, что в последующее время становится природным и нематериальным наследием северного района. Важно отметить, что в том числе из-за этого в регионе сложно устанавливалось сначала православие, а затем советская власть. Эти территории вследствие истории и взаимозависимости местной и финской экономики долгое время, вплоть до 1920-х годов, оставались под финским влиянием. Это выражалось в языковой среде: карельский язык схож с финским, что позволяло жителям советских Костомукши и Контоikki и финских Каяни и Кухмо понимать друг друга. Помимо этого, играли роль образование (изучение финского языка в костомукшских школах вплоть до начала Великой Отечественной войны), отток российского карельского населения на финскую сторону в случаях конфликтов с властью, а также религия, так как долгое время большинство карелов оставались язычниками или обращались в лютеранство [Илюха, Антощенко, Данков 1996: 23].

Геополитика наша и приграничное положение отпечаток на этот район очень сильно нанесли. Порой трагичная такая история была. Ну почему уходили [карелы с территории СССР]? Ну, 18-й год. Революционные годы. Церковь закрыли, обучение на русском языке не нравилось людям. Потом в 1944 не успели люди уйти, поэтому жили на оккупированной территории. А когда уже уходили финны [с территории СССР], наверное, [карелы] боялись, что их посчитают врагами народа или [репрессируют] за сотрудничество с врагом. Боялись и тоже ушли. Но там [в Финляндии] они все хорошо довольно-таки пристроились¹².

Советский период для Костомукши заполнен неравномерно: он начинается с событий, связанных с трудным установлением советской власти, и упадка карельских деревень в округе вследствие Великой Отечественной войны, милитаризации границы и закрытия непер-

¹¹ К. Т. — м., 1986 г. р., работник предприятия, Костомукша.

¹² Н. Н. — ж., 1959 г. р., пенсионер, участник общества *Viena*, Костомукша.

спективных карельских хуторов вокруг деревень. Население округа при этом мигрировало либо в Финляндию, либо вглубь северной Карелии: в Калевалу (Ухту), Юшкозеро, Вокнаволок [Там же: 37]. Активная жизнь в регион вернулась во второй половине 1970-х годов с началом строительства горно-обогатительного комбината (ГОКа) и города при нем, названного в память о бывшей карельской деревне Костомукшей.

Геологические исследования 1910–1950-х годов сформировали новое видение этих территорий как перспективного места добычи железной руды и дали старт большой стройке моногорода на северо-западе СССР. Наиболее важно, что в этот период сложилась уникальная для Советского Союза ситуация, отражение которой мы увидим в нарративах памяти: крупный промышленный и градостроительный проект реализовывали совместно два государства — СССР и Финляндия, — идеологически противопоставленные друг другу, осуществлялся экономический, технологический и культурный трансфер. Помимо финнов, которых в кульминационный период стройки на стройплощадках было более трех тысяч человек, к стройке были привлечены жители Урала, центральной России, Сибири, Украины и Казахстана [Илюха 2004: 359]: после окончания основной стройки в конце 1980-х годов большинство из советских граждан остались в Костомукше и образовали современное население района. Несмотря на негласный запрет, к возведению и функционированию Костомукши привлекались и жители близлежащих карельских деревень, которые вместе с переселенцами из других районов северо-западной Карелии сформировали небольшой пласт карельских жителей в городе [Джиошвили и др. 2023: 13].

В отличие от Приладжья, где местное население познакомилось с финскими соседями только с открытием границы в конце 1980-х годов, у костомукшан опыт повседневного трансграничного взаимодействия формировался уже с середины 1980-х годов. Несмотря на различия в идеологии, языке и настороженное отношение представителей советской власти, жители относились к финнам «по-добрососедски», тем более что граница с Финляндией находится менее чем в 40 километрах от Костомукши:

Финны и в гости к нам-то приходили, к сестре, помню, вечерочками заходили в гости тоже. Хотя, когда строили, то и молодежь тоже ведь была финская. Для финнов-то хорошо в Костомукше было. Нам-то тоже хорошо, тогда с ними было¹³.

Заметим, что представления советских граждан о финнах формировались, в основном, в повседневном опыте взаимодействия: строители и жители закупались в финских магазинах, посещали совместные постановки, творческие вечера и спортивные соревнования и вместе отмечали праздники [Илюха 2004: 364]. Приграничное положение и

¹³ В. П. — ж., 1955 г. р., пенсионер, учитель карельского языка, Костомукша.

международная советско-финская стройка позволили с 1980-х годов развивать трансграничное сотрудничество: было организовано общество дружбы, российско-финляндский заповедник «Дружба» на базе природного заповедника «Костомукшский», который с 2017 года входил также в трансграничный биосферный резерват «Метсола». Как и в Приладожье, трансграничность проявлялась с позднесоветского времени в образующихся семейных и дружеских связях, деловых контактах вследствие образовательных и культурных проектов. Уникальным для Костомукши можно назвать сотрудничество в сфере крупного бизнеса. Помимо ГОКа, ставшего в 1993 году акционерным обществом «Карельский окатыш», а в 1999 году частью горно-металлургической компании «Северсталь», в 1993 году в сотрудничестве с финнами открылось предприятие «АЕК», производящее электропроводку для автотранспорта:

Дело в том, что было международное разделение труда. Мы создали это предприятие, «АЕК», на котором полторы тысячи женских рук работало. Его хотели построить в Эстонии. Потом хотели строить его в Выборге. Так вот, мы встречались с руководством этого предприятия, точнее, не с руководством, а с акционерами, главными акционерами, которые были из Финляндии. Мы убедили их, что сделаем все. И мы все выполнили¹⁴.

На данный момент исследователи региона отмечают важность для костомукшан нарратива об уникальности города как международного проекта, связанного в памяти первых переселенцев и небольшого пласта карельского населения¹⁵ с масштабной стройкой и возведением передового города в лесах отдаленного региона. Также дискурс памяти включает в себя карельское прошлое района, которое сейчас поддерживается благодаря обществу Viena, коллективу Hete, «Карельскому окатышу» и администрации города и округа и близости карельской деревни Вокнаволок [Джиошвили и др. 2023]. Имеет значение и упомянутый эпос «Калевала» как нематериальное наследие карельского периода и одна из причин транскультурности района, так как Лённрот собирал руны на современной территории округа:

Лённрот ходил, в основном, от Костомукши и до Белого моря, вот этот кусочек. У финнов только два места есть, где он записал несколько рун, а все остальное это вот здесь. Финны, значит, сделали у себя «тропу Лённрота», она упирается в нашу границу. Те места, куда он ходил, тоже имеют ценность, но у нас они не оценены. У них [финнов] тысячи людей-паломников, которые ходят каждый год по этим маршрутам. И ко мне обратилась инициативная группа [финнов] с тем, чтобы помочь найти им эту тропу. Я выделил наших ребят, которые опытные, выделил машины, они поехали, нашли эту тропу¹⁶.

¹⁴ Н. Б. — м., 1950 г. р., пенсионер, «строитель города», Костомукша.

¹⁵ К стройке и функционированию Костомукши привлекались жители близлежащих карельских деревень и западной Карелии вопреки негласному запрету на расселение «ненадежных» жителей, близких к Финляндии, вдоль границы. Они сформировали небольшой — по сравнению с переселенцами из других регионов — пласт карельского населения в городе.

¹⁶ С. Т. — м., 1956 г. р., работник заповедника, Костомукша.

Перед тем, как мы приступим к анализу социокультурной динамики в условиях турбулентности последних лет, стоит сказать о возможности изучения трансграничной памяти при закрытой границе. События международного уровня после 2020 года изменили жизнь Сортавала и Костомукши как приграничных городов с развитыми трансграничными связями и практиками. Согласно исследованиям до 2022 года, невозможность пересечения границы негативно сказалась на трансграничном сотрудничестве и трансграничных семейных и дружеских связях [Там же]. Сейчас ситуация, как предполагается, изменила карельский фронтир еще сильнее, превратив его в память о трансграничном прошлом районов — трансграничную память. Используя это понятие, мы подразумеваем, что происходящая на границе динамика катализируется наднациональными событиями 2020–2024 годов и стимулирует переосмысление жителями фронтирной территории своей приграничной идентичности через транснациональную и трансграничную память [Marin 2006: 45].

Фронтирные «другие»: «свои — чужие» в пространстве трансграничной памяти. Когда речь идет о территории с фронтирной историей и трансграничным влиянием, нарративы о взаимодействиях с «другими» мы будем рассматривать, как предлагает социолог Андреас Уиммер, в виде социальных контекстов, производящих нарративные границы [Wimmer 2008]. Такие ментальные границы, в нашем случае, необязательно являются этническими — в основном, они образуются по культурному, историческому и иным признакам. Более того, четкость разграничений неоднородна и зависит от социальных и временных факторов.

В обоих приграничных районах Карелии в качестве наиболее яркой и нарративно насыщенной категории «других» представлены финны, однако их образ не монолитен. В Сортавальском районе достаточно четко вырисовываются два образа финнов, связанных с шведским периодом Северного Приладожья. В первом случае финны оказываются неагентной группой: их появление на этой территории объясняется переселенческой политикой шведов в XVII веке, когда последние стремились выселить оставшихся карелов и закрепиться на земле за счет формирующейся в тот период этнической группы финнов, параллельно противостоя оформлению финской национальной идентичности. В нарративе собеседников подчеркивается доминирующая роль шведов, для которых финны как отделившаяся группа представляются значительно более низкой по социальному статусу. Собеседниками роль финнов эмоционально описывается в терминах шведской «прислуги» или «черни»¹⁷.

Похожий образ неагентных «исторических» финнов можно отследить через нарративную репрезентацию взаимоотношений с Рос-

¹⁷ К. Т. — м., 1974 г. р., таксист, Сортавала.

сийской империей и СССР. В них России отводится роль «хозяина»¹⁸ не только территории, но и проживающих на ней финнов. Согласно высказываниям наших собеседников, благодаря Российской империи формируется финская нация и финская государственность, затем соседство с СССР дает финнам независимость: они развиваются как отдельная этническая и культурная группа, имея экономически выгодное соседство с молодым советским государством. Часто встречающаяся нарративная стратегия заключается в указании, что современным жителям Финляндии необходимо признать роль России в формировании современной жизни финнов и испытывать чувство благодарности к соседнему народу.

Во втором случае, если речь идет о развитии Приладожья, финны получают в нарративах агентность. В финский период Сортавала застраивается красивой архитектурой, в регионе развивается промышленная и социальная инфраструктура, проводятся культурные мероприятия, поддерживающие память о рунопевческой и карельской истории Приладожья. В некоторых высказываниях период финской агентности называют «золотым веком»¹⁹ Сортавала. Эта категория финнов часто связывается с нарративом о культурном наследии как о материальной памяти о плодотворной для региона эпохе. Как замечает Лоуэнталь, материальное наследие способствует в том числе формированию преемственности жителей [Лоуэнталь 2004], а в концепциях Уильяма Митчелла и Хайди Гайзмар наследие свободно от владения одним сообществом [Mitchell 1996; Geismar 2015]: современное население считает советские промышленность и инфраструктуру преемственными финским и подчеркивает их долговечность и качество фактом функционирования предприятий и пространства города в настоящее время.

Вот, то, что нам досталось после [советско-финляндской] войны. Здесь был как раз пивзавод, молокозавод очень приличный, мясокомбинат, рыбозавод, хлебокомбинат. Все эти предприятия работали уже теперь по новой системе, советской системе²⁰.

В травматичный для России и Финляндии период советско-финляндской и Великой Отечественной войн нарративная насыщенность образов исторических финнов становится более разнообразной, так как здесь мы имеем дело с поколением постпамяти. В случае с памятью о военном периоде похожие образы финнов встречаются и в Сортавальском районе, и в Костомукшском округе. Отметим, что в последнем, который считается исконно карельской землей и имеет малоподвижную границу, финское влияние до 1930–1940-х годов мало встречается в нарративах и финны в памяти собеседников тесно связаны с карелами, которые будут рассмотрены в качестве отдельной категории.

¹⁸ А. Г. — м., 1956 г. р., пенсионер, представитель местного землячества, Сортавала.

¹⁹ Н. В. — ж., 1978 г. р., гиа, Сортавала.

²⁰ А. Г. — м., 1956 г. р., пенсионер, представитель местного землячества, Сортавала.

С одной стороны, в карельском приграничье присутствует память о «страшных концлагерях»²¹, в которых финны играют роль жестоких с местным населением завоевателей в период Великой Отечественной войны. Этот нарратив преобразуется в травматическую память, включающую, к примеру, демонстративный отказ от потребления финских продуктов, неприятие русско-финских браков у переживших эти события жителей. Для них образ финнов как «других» нединамичен, он кристаллизуется и остается травмой, влияющей на восприятие в том числе трансграничности и ее последствий:

Не знаю, бабуля у меня... То есть она вот очень хорошо помнит оккупацию. И принять то, что дочь замужем за финном, ей было очень сложно. Но она до сих пор не ест финские продукты, она боится, что ее отравят²².

С другой стороны, для нарративов о советском времени характерно появление образа финнов — бывших хозяев земли. В памяти современных жителей Сортавальского муниципального района существуют легенды о случаях встречи советских переселенцев с такими «другими» в 1940-е и более поздние советские годы, когда пограничная политика региона либо игнорировала существование Финляндии за границей, либо противопоставляла ее советской Карелии. Под встречами подразумевается как материальная преемственность среды (города, домов, хуторов) и другие свидетельства предыдущего населения (нашедшиеся финские клады), так и буквальные встречи с финнами, «прибегавшими через границу к своим домам»²³, в форме легенд о чем-то неизвестном и неприятном:

Здесь много легенд было, что у них [финнов] подкопы где-то, что они выносят [свое имущество с советской территории]. Чисто такой вот характер, что приходили и что-то потихонечку таскали. То есть это легенда как бы, основанная на реальных событиях, что они приходили и пытались у новых хозяев что-то стащить²⁴.

Можно предположить, что мифологизации и закреплению легенд о финнах как «других» способствовала закрытость СССР и Приладожья. В этот период советские жители Сортавала и других населенных пунктов «знать не знали»²⁵ о предыдущем населении региона, имели возможность познакомиться с финнами только через материальное наследие города — жилые дома, предприятия, инфраструктуру [Pjuka 2020].

В Костомукшском городском округе место мифологизации занимает нарратив о «шокирующей»²⁶ встрече с финнами во время стройки города и ГОКа: несмотря на то, что жителям нового города было за-

²¹ К. Т. — м., 1986 г. р., работник предприятия, Костомукша.

²² Е. К. — ж., 1981 г. р., работник культуры, Сортавала.

²³ М. Г. — ж., 1980 г. р., социальный работник, Вяртсиля.

²⁴ Е. К. — ж., 1966 г. р., пид, Сортавала.

²⁵ И. Е. — м., 1985 г. р., вахтовик, Сортавала.

²⁶ С. К. — ж., 1953 г. р., пенсионер, участник коллектива Hete, Костомукша.

прещено общаться с финскими коллегами, в повседневной жизни они наблюдали различия между ними как в культурной, так и в бытовой сфере во время работы или посещения организованных совместных мероприятий. Мифологизация образа «других» для Костомукши неактуальна, так как отсутствует преемственная материальность среды и период длительного закрытого проживания советских граждан на территории — основное население округа сформировалось к середине 1980-х годов, в это же время в Костомукше работали финны.

После открытия границ, когда финское присутствие становится частью живой истории приграничных районов Карелии, а взаимодействие с «другими» — частью повседневной жизни, образы финнов также претерпевают изменения. Одной из доминирующих категорий финнов становятся вернувшиеся жители: те, кого выселили из Приладожья в 1940-х годах, их дети и внуки. В связке с ностальгическим туризмом их называют «приехавшими хозяевами»²⁷. Эмпатию к этому образу вызывает в том числе рефлексрующий тип ностальгии финнов: посещая свои родные места, финны не претендуют на переизобретение места и выстраивание идеологической ценности мифического коллективного финского прошлого для Сортавала и Приладожья, что вписывалось бы в реставрирующую ностальгию, описываемую Светланой Бойм [Бойм 2019]. В данном случае мы встречаем скорее индивидуальную память, то есть желание побывать «на своих родных местах»²⁸, где прошло детство и сохранилась мемориальная материальность — часть наследия как собственности, связанной с личной и семейной биографией. В памяти жителей Костомукши встречается похожий образ «других» в связи с приграничными деревнями: в 1990-е годы «на карельскую родину»²⁹ приезжали те, кто эмигрировал в Финляндию от советской власти или вследствие расформирования неперспективных деревень, остатки и руины которых сейчас находятся в пограничной зоне:

У нас есть мужчина [-финн] еще до сих пор, дай бог ему здоровья. Он сам родился в [советской] Карелии. Он родился в 56-м году. Он мало чего помнит, но у него очень много осталось от родителей. Родители много ему оставили своих воспоминаний. Поэтому он туда [на место карельской деревни] ездит с удовольствием, приезжает каждый год³⁰.

В памяти о тесном трансграничном взаимодействии в постсоветский период нам оказывается сложно выделить конкретные категории «своих» или «чужих» финнов. Трансграничная регионавтика [Löfgren 2008], множество совместных проектов по оснащению приграничных районов республики необходимой инфраструктурой, технологический и культурный трансфер, совместные мероприятия, не-

²⁷ В. О. — м., 1965 г. р., инженер, Сортавала.

²⁸ Е. Ш. — ж. 1978 г. р., работник культуры, Рускеала.

²⁹ С. К. — ж., 1953 г. р., пенсионер, участник общества Hete, Костомукша.

³⁰ В. П. — ж., 1955 г. р., пенсионер, учитель карельского языка, Костомукша.

формальные дружеские и семейные связи, уважение к мемориальной культуре соседней страны, а также финская гуманитарная помощь в 1990-е годы, — все это сформировало обобщенный образ приграничных финнов. Они — «другие», которые, с одной стороны, отличаются менталитетом, с другой, частично ассимилировались с местным населением, «хорошо относятся к русским»³¹ и ощущаются «ближе»³², чем жители остальной Финляндии или России. При этом категория приграничных финнов деполитизируется, выводится из контекста межгосударственных отношений. Размытость этого образа связана в том числе с отсутствием доминирующего нарратива, который бы имел политическую или эмоциональную окраску. Вследствие этого индивидуальные акторы конструируют приграничных финнов, основываясь, в основном, на личном опыте взаимодействия, производят периферийные нарративы, сливающиеся в данном образе.

Недавние изменения проницаемости границы ведут к новому сдвигу в представлениях о «других» финнах как о «чужих», которых отделяет не только физическая государственная граница, но и культурные и политические представления. Различия, которые ранее нивелировались за счет постоянного взаимодействия и неформальных контактов, теперь проявляют себя ярче, вторя публичному нарративу о недружественной соседней стране и формируя общественный консенсус о современных финнах. Сохранять оставшиеся социальные связи и включенность в финскую повседневность становится «опасно»³³: «границы закрыли, и не надо теперь отбрыкиваться, что мы туда не поедem из-за того, что у нас разные политические взгляды»³⁴.

В обоих районах современная трансформация образа финнов сопровождается аналогией с периодом Зимней войны и, в меньшей степени (т. е. в «экспертных» сообществах), гражданской войны в Финляндии: демонстративное отдаление финнов мотивируется их культурной травмой, связанной с «взятием территории»³⁵, а также победой «белофиннов» над идеологически близкими «красными финнами»³⁶. Так, финны в исторической памяти представлены скорее как «чужие», причем в Приладжье вследствие исторических особенностей их образы более многочисленны и временами размыты. В памяти о трансграничных 1990–2010-х годах образ финнов, несмотря на его многосторонность и отсутствие полного консенсуса, наиболее приближается к тому, чтобы назвать их «своими». Однако неблагоприятная для продолжения этой динамики геополитическая обстановка повлияла на материальное и идентичностное отдаление финнов от жителей приграничной Карелии и привела к их возврату к категории «чужих».

³¹ М. А. — м., 1980 г. р., работник культуры, Лахденпохья.

³² И. Е. — м., 1985 г. р., вахтовик, Сортавала.

³³ Н. Н. — ж., 1959 г. р., пенсионер, участник общества Viena, Костомукша.

³⁴ С. К. — ж., 1953 г. р., пенсионер, участник общества Hete, Костомукша.

³⁵ В. П. — ж., 1955 г. р., пенсионер, учитель карельского языка, Костомукша.

³⁶ А. С. — м., 1978 г. р., поисковик, Сортавала.

В связке с финнами упомянем существующий, но слабо представленный в исторической памяти населения Сортавальского района образ шведов. Собеседники подчеркивают отсутствие контактов и длительной представленности шведского населения, отсылают в памяти к историческим событиям и мифологизированному прошлому, в которых шведы становятся «чужими», присвоившими новгородские территории. Существующие инициативы единичных жителей актуализировать память о шведах через мемориальную культуру и возвращение шведской национальной окраски материальному наследию в современных условиях считаются местной властью «не совсем патриотичными» и вступают в конфликт с приграничным статусом территории, означающем близость к недружественному государству, и доминирующим дискурсом как власти, так и местных сообществ:

Вот мы ставим королеве Кристине [памятник], она была хозяйкой этих земель, это история, тыры-пыры. Но там [на заседании] сказали, что это было не совсем патриотично. Потому что шведская принцесса, не дай бог, какие-то приграничные территории³⁷.

Еще одной категорией «других» становятся карелы, которые, несмотря на неблагоприятную демографическую и языковую ситуацию, являются важным образом для современных жителей-переселенцев, опираясь на который последние конструируют как принадлежность территории, так и свою принадлежность к ней. Для переселенческого Северного Приладожья карелы перформативны как исторические «другие»: в нарративах «карельскость» района ассоциируется с квази-историческим прошлым, используется как обоснование закреплённости Приладожья за Россией и обладания наследием. Сами карелы становятся в нарративах историческими «своими» в противовес исторически «чужим» финнам, их тяготение к финской культуре через язык и фронтирное проживание становятся менее значимыми, чем близость к России, аргументируемая по признаку исторической и современной территориальной принадлежности. Соприкосновение с «другими» карелами, являющееся основой для нарративов памяти, происходит через усвоение доминирующих дискурсов, транслируемых в музеях, на праздниках и в дискурсах республиканской и местной власти. Альтернативный способ — соприкосновение с материальным наследием через занятие копательской деятельностью, достаточно распространенной в регионе, или индивидуальную экскурсоводческую деятельность.

В отличие от Северного Приладожья, где карельское прошлое сильно дистанцировано, а карельское население малочисленно, в Костомукшском городском округе образ карелов формируется из памяти о событиях XX века, а также опыта сожительства и повседневного взаимодействия с этнической группой с 1980-х годов по настоящее время. По наблюдениям Ю. В. Литвин и С. Э. Яловицкой, в Косто-

³⁷ В. Р. — м., 1960 г. р., политический активист, Сортавала.

мукше нет ярко выраженного противопоставления между карелами и жителями, приехавшими из других регионов, приоритет отдается региональной идентичности и межнациональности города [Литвин, Яловицына 2019, 156]. Несмотря на это, как мы замечаем, категория карелов как «других» тяготеет к определению через их «финскость», в том числе общность их происхождения и культуры, в особенности эпоса «Калевала», важного элемента карельской и финской идентичностей. Подобный нарратив характерен как для переселенцев из других регионов и их детей, так и для самих карелов в Костомукше, для которых важна преемственность и культурный взаимообмен. Однако охлаждение отношений с Финляндией и изменение образа финнов на полностью «чужих» стимулирует переосмысление категории карелов, при котором близость этих этносоциальных групп отходит в прошлое: «Есть общее в языке, есть общая традиция. <...> Вот только это. Так они [финны] предатели сегодня для меня»³⁸. Такую позицию, совпадающую с доминирующим государственным нарративом, транслируют как потомки жителей-переселенцев, так и сами представители карельских сообществ.

РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ И РУССКО-ФИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРИГРАНИЧЬЕ

После рассмотрения образов фронтирных «других» сосредоточим наше внимание на отраженной в памяти динамике развития как межгосударственных отношений между Россией и Финляндией, так и взаимодействий на более низком уровне: между институтами, социальными группами, а также при личных контактах. Исходя из специфики собранного полевого материала и представленности в них проблематики взаимоотношений на разных уровнях, сфокусируемся на позднесоветском и постсоветском периодах, с 1980-х до 2024 года. Наша задача заключается в том, чтобы понять, как в памяти репрезентируется трансграничность на разных уровнях и как в ней воспринимается сама граница.

Важный нарратив, характерный для обоих районов, — это открытие границы с Финляндией. Отметим, что в данном случае событие заменяет собой хронологические рамки, подчеркивая его важность для территории: для датирования периода трансграничных отношений используются не года, а выражение «открытие границы» — отправная точка взаимоотношений между двумя сторонами, разделенными государственной границей. Сближению и налаживанию связей способствует активная гуманитарная помощь со стороны финнов: в Сортавальский район после распада СССР ввозили еду, одежду, оборудование для больниц и школ, спонсировали социальные проекты. Дистрибуция происходит не только на уровне местной власти и бла-

³⁸ Т. И. — ж., 1954 г. р., пенсионер, член общества дружбы «Финляндия — Россия», Костомукша.

готовительных организаций (к примеру, «Красный Крест»), но и через образование и финансовую поддержку лютеранских общин на территории Приладожья, что в памяти некоторых жителей ассоциируется с религиозной пропагандой³⁹.

Отдельное внимание в формировании благоприятных русско-финских отношений получает мемориальная культура финнов и направленность помощи на восстановление архитектурного наследия: зданий, инфраструктуры, кладбищ, мемориалов. В нарративе о подобном желании облагораживать ранее финские территории, заботиться о своем мемориальном и архитектурном наследии прослеживается уважение к приграничным финнам как к соучастникам развития района. Позитивное восприятие таких инициатив в рамках русско-финских отношений у одной части собеседников сочетается с их негативным восприятием другой частью с точки зрения российско-финляндского взаимодействия: ностальгический туризм финнов может трактоваться как прецедент реставрирующей ностальгии в рамках финской государственной политики и связываться с желанием Финляндии восстановить и облагородить те территории, которые они смогут в будущем вернуть, присвоив важное для национальной идентичности материальное и нематериальное наследие: «[Финны] надеялись, что им отвалится [Приладожье]. Они очень скучают по своим местам, да, они все-таки 400 лет прожили на этих землях. И они, конечно, надеялись вернуться»⁴⁰.

Русско-финские отношения укрепляются за счет экономических и бытовых факторов: челночничества и регионатики в продовольственных целях, «алкотуризма» финнов. Несмотря на спорный образ финнов в данном случае, экономические вложения в бюджет района, а также возможность посещать бассейны, супермаркеты, подрабатывать на сборе клубники на фермах или работать вахтами в приграничной Финляндии формируют не только транзитность территории, но и ее тесную социоэкономическую взаимосвязь с соседней страной. Подобная динамика формирует и российско-финляндские отношения на уровне крупного бизнеса и местной власти, вовлеченных в трансграничные проекты. Побратимские связи, инициированные российской властью, и технологический трансфер с финской стороны укрепляют сотрудничество, создают буферную зону в приграничных Карелии и Финляндии. Российско-финляндские деловые связи строятся не только на основании взаимной выгоды, но и на уважении к приграничному партнеру, неформальных дружеских связях между представителями стран.

На севере Карелии встречаются похожие нарративы о восприятии приграничности и развитии трансграничных отношений на разных уровнях. В отличие от Сортавала, в Костомукшском городском округе в качестве отправной точки для трансграничности в памяти закрепля-

³⁹ А. А. — м., 1965 г. р., член лютеранской общины, Сортавала.

⁴⁰ М. А. — м., 1980 г. р., работник культуры, Лахденпохья.

ется межгосударственное взаимодействие по созданию предприятия и города при нем. Костомукша в таком нарративе определяется как уникальный «симбиотический»⁴¹ проект советско-финляндского сотрудничества. Помимо этого, подчеркивается инициатива со стороны Финляндии в организации проектов и финансировании предприятий: здесь разные оптики дополняют друг друга, формируют консенсусный образ буферной зоны. С одной стороны, активная роль европейской стороны в производственных, экологических и культурных проектах в Костомукшском городском округе объясняется через гуманитарную направленность помощи соседнему региону. С другой стороны, считается, что Финляндия видела в Костомукше «сильного экономического партнера»⁴², в том числе из-за единого географического и культурно-исторического пространства.

Отметим, что сформировавшиеся за 30 лет тесные российско-финляндские отношения в округе выражаются не только в технологическом трансфере по линии постройки и функционирования комбината, но и в учреждении обществ дружбы, налаживании более пространственных в данном районе побратимских связей, проведении совместных мероприятий на территории города и приграничной Финляндии (в городах Кухмо и Каяни), организации нацеленных на финский экспорт «АЕКа» и Swedwood (лесопереработка). Они обуславливают тяготение населения и экономики района к Финляндии, усиленное удаленностью района от крупных населенных пунктов и экономических центров со стороны России. Разворачивание Костомукши к Финляндии до недавнего времени подкреплялось и авторитетом местной власти, ее нарративом о «затратной логистике»⁴³ при работе с российскими партнерами из более южных и восточных регионов.

Переходя к русско-финским связям, заметим схожесть нарратива памяти в двух районах: жители вспоминают о регионавке в бытовых целях, при формировании русско-финских семей или неформальных связей на почве деловых контактов. Это является абсолютно доминирующим нарративом, у каждого собеседника есть подобный опыт, или он становился свидетелем трансграничных практик. Отличием костомукшского нарратива становится выделяющаяся в нем роль карелов, через символическое и физическое присутствие в районе которых эти связи укрепляются. Ностальгический туризм на севере Карелии определяется также через рефлексирующую ностальгию. Нарратив об этом не касается развития территории, трактуется через призму русско-карело-финских отношений и отсылает к общей карело-финской памяти территории и нематериальному наследию в виде эпоса, развитию карело-финских трансграничных отношений на почве но-

⁴¹ С. С. — м., 1998 г. р., предприниматель, Костомукша.

⁴² С. Т. — м., 1956 г. р., работник заповедника, Костомукша.

⁴³ С. Н. — м., 1973 г. р., представитель администрации, Костомукша.

стальгии финнов по их «убогому»⁴⁴ карельскому прошлому. Близость границы и ее проницаемость в постсоветский период формируют в памяти жителей приграничных районов восприятие Финляндии как продолжения приграничной Карелии и общей транзитной территории, которая является не заграницей, а, скорее, «соседней деревней»⁴⁵.

События 2020–2024 года мобилизуют рефлексию жителей о пике развития российско-финляндских и русско-финских отношений: несмотря на их ухудшение после 2014 года, выразившееся в сокращении оборотов международной торговли, финских инвестиций и уменьшении количества трансграничных проектов, открытая до недавнего времени граница выступала одним из ключевых факторов объединения жителей приграничной Карелии и Финляндии. Для части собеседников трансграничность обуславливалась общей памятью, для кого-то взаимопроникновением культур приграничных сообществ, кто-то видел в ней экономические выгоды. По нарративу о «лучшем времени» для приграничных районов — наиболее удачном и благоприятном периоде — можно отследить травматичность восприятия трансформации границы и изменения ее проницаемости, ностальгию по трансграничности. Для жителей приграничья таким временем становится период 2000–2010-х годов или, как его еще обозначают, «до вступления финнов в Евросоюз»⁴⁶. В течение него собирается и воспроизводится большая часть нарратива о приграничной особенности территории, сформировавшей привычную ее населению повседневность.

СОВРЕМЕННОЕ ПРИГРАНИЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В РАЗРЕЗЕ ПАМЯТИ

В нарративе о приграничном положении Сортавальского муниципального района и Костомукшского городского округа в современных геополитических условиях закрытых границ и соседства с недружественным государством можно проследить некоторую двойственность. С одной стороны, мы видим происходящую адаптацию экономической и социальной жизни приграничья Карелии к новой логистике, поворот от Финляндии к России. Для Сортавала вследствие близости Санкт-Петербурга и развитой транспортной инфраструктуры это выражается в переориентации на внутренний туризм, перестраивании стратегий развития населенных пунктов, ранее бюджетировавшихся за счет трансграничных перемещений. К примеру, после пиков пандемии Covid-19 в Приладожье (в декабре 2020 года, феврале и июле 2022 года) внутренний туризм продолжает развиваться, привлекая ежегодно более миллиона туристов⁴⁷. В Костомукше «переориентация на

⁴⁴ С. Т. — м., 1956 г. р., работник заповедника, Костомукша.

⁴⁵ Н. Б. — м., 1950 г. р., пенсионер, «строитель города», Костомукша.

⁴⁶ М. А. — м., 1980 г. р., работник культуры, Лахденпохья.

⁴⁷ <https://karelia.rbc.ru/karelia/15/03/2024/65f455149a79470aea1c4c24?ysclid=lvp684cs4u30411775>

внутренний рынок»⁴⁸ выражается в изменении логистических цепочек и развертывании производства окатыша на российских потребителей и страны-партнеры. Несмотря на удаленность района от основной инфраструктуры России, наиболее влиятельные акторы — администрация города, округа и ГОКа — стремятся к переориентации экономики и адаптации к сложившейся экономической, политической и социальной ситуации. Такие трансформации повседневности поддерживаются государственным дискурсом, индивидуальные акторы производят похожие на него нарративы, встраиваясь в современную политическую ситуацию. Однако необходимость осмыслить разрыв трансграничных отношений и изменение значения приграничности с «окна в Европу» на политически опасный «медвежий угол» стимулирует память обращаться к прошлому территории в поисках объяснений и формирует новый доминирующий нарратив об отношениях между приграничными регионами двух стран, принадлежности территории и культуре памяти.

В карельском приграничье осмысление современной геополитической обстановки может происходить через травматическую память о советско-финляндской войне, когда Советский Союз присоединил приграничье Финляндии к Карельской АССР. Также в памяти возникают эпизоды гражданской войны, закрытости СССР от влияния в том числе Финляндии. Поведение финнов воспринимается как возрождение национальной идеи карелианизма, попытка присвоить территорию через символическое наследие, категорию собственности и «оживление Карельского союза»⁴⁹. Последнее, в свою очередь, трактуется как желание возвращения приграничных территорий Карелии (Приладожья, Салла) и стремление восстановить досоветское финское влияние:

Там, я думаю, лояльное отношение к России как таковое выкошено еще в те времена [гражданской войны]. И до сих пор, говорят, еще живой этот Карельский союз, который вот эту землю считает своей. На основании чего, интересно мне знать⁵⁰.

В связи с этим в таком нарративе критикуется культура памяти финнов, подчеркивается неприменимость современными финнами рефлексирующей ностальгии, наличие которой в связи с ностальгическим туризмом воспринимается как фактор объединения населения приграничья. Собеседники также упоминают в нарративе о забвении роли России в развитии финляндской государственности и негативном влиянии на Финляндию европейских стран:

Вообще-то Финляндия с сентября 1944 года воевала за Советский Союз, против Германии, да. И немецкие войска, которые покидали территорию Финляндии, сжигали напрочь всю Финляндию. <...> То есть они хапнули

⁴⁸ А. К. — ж., 1996 г. р., работник предприятия, Костомукша.

⁴⁹ С. К. — м., 1975 г. р., поисковик, Сортавала.

⁵⁰ А. С. — м., 1978 г. р., сотрудник военного музея, Сортавала.

там за войну. Ну и вот результат, опять они все позабыли, поколение поменялось, будут с НАТО⁵¹.

Отдельно рассмотрим характерный для Сортавальского муниципального района нарратив, обосновывающий закреплённость российской стороны на территории Приладожья. С этой целью на разных уровнях пересобирается доминирующий нарратив о «русскости» этого района, для чего жители используют память не только о карелах, противопоставленных финнам, но и о новгородском периоде, «новгородской земле»⁵². Как упоминалось ранее, карелы перформативны как исторические «свои»; при этом их относимость к русскости конструируется в памяти исходя из современной ситуации вхождения карелов в состав малочисленных этнических групп России, хотя в основной исторический период их расселения по территории Приладожья они не имели связей с Россией до времени прихода новгородцев. При этом сама категория новгородцев, которых иногда называют «русичами»⁵³, используется исключительно для указания сложно оспариваемого права России на Приладожье и не имеет нарративной насыщенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения проницаемости границы могут выражаться не только в закрытии пунктов пропуска, но и в репрезентации нарративов исторической памяти жителей фронтальной территории. Следует оговорить два тезиса прежде, чем мы приступим к выводам. Во-первых, данная статья не претендует на универсальный взгляд на динамику транс-или приграничной памяти. Несмотря на то, что в ходе повествования мы упоминали различные точки зрения в зависимости от специфики сообщества и представленности доминирующих нарративов, которые противоречат или дополняют друг друга, данные все же ограничены несколькими десятками интервью и не могут охватить все мнения и оценки. Во-вторых, важно упомянуть особенности полевой работы и фигуры исследователя в связи с чувствительностью темы трансграничности из-за политической напряжённости и закрытия границ. Мы не можем исключать, что некоторые нарративы более перформативны, чем другие, и дублируют доминирующий дискурс власти вследствие особенностей геополитической обстановки в приграничье.

Один из способов трекинга трансграничной динамики в памяти — это рассмотрение представленности категорий «других». Ими становятся, как может казаться на первый взгляд, не только финны, но и другие выделяющиеся по разным признакам группы «своих — чужих», в течение прошлого времени влиявшие на формирование фронтальности приграничной Карелии. При этом сама категория

⁵¹ К. Т. — м., 1986 г. р., работник предприятия, Костомукша.

⁵² С. К. — м., 1971 г. р., представитель администрации, Сортавала.

⁵³ И. А. — м., 1976 г. р., копатель, Сортавала.

финнов не едина и разделяется в исторической памяти на несколько образов «других» в зависимости от плотности контактов, общих ценностей или, наоборот, травматичности памяти. Также отметим, что нарративная насыщенность образов, их количество и четкость выделения зависит не только от степени удаленности в прошлое существующей категории, но и от вовлеченности агентов нарратива в коммуникацию с «другими», выражающейся в том числе во взаимодействии с разными категориями наследия. Так, шведы оказываются гораздо менее известной категорией, чем исторические финны, которые, в свою очередь, имеют более оформленный образ, чем рассеянная категория приграничных финнов, которая собирается из индивидуальных и неконсенсусных нарративов собеседников. Несмотря на категориальную похожесть «других» в Сортавальском муниципальном районе и Костомукшском городском округе, в локальной памяти отражаются исторические и социокультурные особенности районов. Это, в свою очередь, влияет на динамику образов «других» в связи с изменением проницаемости границы в широком смысле. Финны, до этого приближенные к понятию «своих», становятся «чужими», а карелы, ранее объединявшиеся в памяти с финнами, дистанцируются от соседней этносоциальной группы. Как мы видим, выделение таких категорий способствует осмыслению жителями приграничья своего места на фронтирной территории, испытывающей турбулентность.

Период тесного трансграничного взаимодействия позволяет конструировать образ приграничных районов Карелии и Финляндии как транзитной территории, а Финляндии — как единого с Карелией пространства. Параллельно с этим мы можем диагностировать происходящую на данный момент трансформацию в нарративном конструировании границы и самой фронтирности районов. Такая динамика выражается в уходе элемента повседневности из трансграничного взаимодействия и замене его ностальгическим восприятием. О динамике самих отношений между Россией и Финляндией можно говорить на двух уровнях: во-первых, это выстраивание связей на уровне государства и крупных институций (российско-финляндские отношения), во-вторых, на низовом уровне (русско-финские отношения). На полевого материале видны различия, в первую очередь, в характере трансграничных связей, отраженном в двух районах: если в Сортавальском муниципальном районе доминирует представленность русско-финских отношений на межличностном уровне, которые становятся основным фактором объединения жителей приграничья по обе стороны от государственной границы, то для Костомукшского городского округа и, непосредственно, Костомукши как моногорода более характерна память о выстраивании трансграничности на уровне государственной власти СССР, России и Финляндии и крупных промышленных проектов. Несмотря на это общей темой оказывается взаимодействие с карело-финским наследием — как природным и материальным, так и нематериальным в виде единства памяти и идентичностно важно-

го эпоса, отражающего переплетения сообществ и культур на карельском фронтире.

Несмотря на демонстрацию в доминирующем нарративе обоих районов «устремленности в будущее» за счет разворачивания в сторону России, изменение значения приграничного статуса осмысливается и интерпретируется через углубление в прошлое районов, поиск причин ухудшения отношений в культурных травмах населения соседней страны. Здесь в качестве характерной особенности Сортавальского муниципального района можно назвать актуализацию нарратива о принадлежности территории к России. Вследствие исторически сложившейся фронтирности района для нынешнего населения оказывается важным конструирование памяти о «русскости» Приладожья, присваивание карельского наследия. Сборка нового доминирующего нарратива происходит в том числе через обращение к карельскому прошлому региона и его вписывание в российскую историю.

Литература

- Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман, Я. (2022). *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Litres.
- Бабин, А. И. (1984). *Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* М.: Наука.
- Бернадский, В. Н., Смирнов, И. И., Балагуров, Я. А., Машезерский, В. И. (Ред.). (1957). *Очерки истории Карелии*, 2. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР.
- Бойм, С. (2019). *Будущее ностальгии*. М.: Новое литературное обозрение.
- Бубрих, Д. В. (1947). *Происхождение карельского народа*. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР.
- Веригин, С. Г. (2017). Заселение и экономическое освоение г. Сортавалы и его окрестностей в 1940–1941 годах. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 7(168), 42–48.
- Джиошвили, Э., Кривоноженко, А., Литвин, Ю., Яловицына, С. (2023). Историко-культурные традиции и идентичность жителей моногородов «Карельской Арктики»: Сегежа и Костомукша. *Вестник антропологии*, 2023(3), 7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/7-25
- Изотов, А. Б. (2008). Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала. Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. В О. П. Илюха, И. И. Муллонен (Ред.). *Гуманитарные исследования*, 1, 53–64. Петрозаводск: КарНЦ РАН.
- Илюха, О. П. (2004). Меняющийся образ соседа: Финляндия и финны в представлениях жителей Костомукши. В А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко (Ред.). *Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России*, 358–374. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
- Илюха, О. П., Антощенко, А. В., Данков, М. Ю. (1996). *История Костомукши*. Петрозаводск: Мега-Пресс.
- Конкка, У. С., Конкка, А. П. (2010). Архиппа Перттунен и Элиас Леннрот: так создавалась «Калевала». *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*, 2010(4), 86–96.
- Леонтьев, П. Р. (1990). *Костомукша*. Петрозаводск: Карелия.
- Литвин, Ю. В., Яловицына, С. Э. (2019). Образы «Свой – чужой» в глубинных интервью с карелами и переселенцами в Карелию. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(2), 147–172.
- Лоуэнталь, Д. (2004). *Прошлое – чужая страна*. М.: Владимир Даль.

- Матвеева, Э. Г. (2021). Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей. *Фольклор и антропология города, IV(1-2)*, 42–75.
- Матвеева, Э. Г., Радченко, Д. А., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей – Сортавала*. М.: Неолит.
- Мельникова, Е. А. (2015). Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время. *Антропологический форум, 2015(25)*, 9–41.
- Мельникова, Е. А. (2017). Локальное и национальное в пространстве городского праздника: день города и песенный фестиваль в г. Сортавала. В П. Суутари, И. Мошников, Ю. Шикалов, О. Давыдова-Менге (Ред.). *Гибкие этничности. Этнические процессы в российско-финляндском приграничье*, 72–105. СПб.: Нестор.
- Мельникова, Е. А. (2019). Финские кладбища в России: кросс-границные группы памяти и новый моральный порядок. *Антропологический форум, 2019(43)*, 11–40.
- Нейкен, Л. Л. (2015). *Лахденпохья*. Лахденпохья: Редакция газеты «Вести Приладожья».
- Ростовцев, Е. А., Сосницкий, Д. А. (2014). Направления исследований исторической памяти в России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 2014(2)*, 106–126.
- Сафронова, Ю. А. (2019). *Историческая память: введение*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Bendix, R. F., Eggert, A., Peselmann, A. (2013). *Heritage regimes and the state*. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen. DOI: 10.4000/books.gup.348
- Billington, R. A., Ridge, M. (2001). *Westward expansion: a history of the American frontier*. New Mexico: UNM Press.
- Fingerroos, O. (2008). Karelia: A place of memories and utopias. *Oral Tradition, 23(2)*, 235–254. DOI: 10.1353/ort.0.0025
- Geismar, H. (2015). Anthropology and heritage regimes. *Annual Review of Anthropology, 44(1)*, 71–85. DOI: 10.1146/annurev-anthro-102214-014217
- Hirsch, M. (2008). The generation of postmemory. *Poetics today, 29(1)*, 103–128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019
- Hønneland, G. (2010). *Borderland Russians: Identity, narrative and international relations*. New York: Palgrave Macmillan.
- Hubbell, A. L., Rojas-Lizana, S., Akagawa, N., Pohlman, A. (2020). Acknowledging trauma in a global context: Narrative, memory and place. In A. L. Hubbell, N. Akagawa, S. Rojas-Lizana, A. Pohlman (Eds.). *Places of Traumatic Memory*, 1–12. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-52056-4_1
- Iljukha, O. (2020). Sortavala neuvostokauden muistoissa. In T. Hämynen, H. Itkonen (Eds.). *Sortavala: Muutosten ja muistojen kaupunki. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*, 300–316. Kirjokansi.
- Izotov, A. (2018). *Mapping Sortavala: local identity formation in a Soviet and post-Soviet border town*. Copenhagen: DIIS Working Paper.
- Kansteiner, W. (2002). Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and theory, 41(2)*, 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
- Katajala, K. (2012). From conflict to cooperation: paradigm changes in Finnish research into the history of Karelia and Eastern border. In K. Katajala, M. Lahtenmaki (Eds.). *Imagined, negotiated, remembered: Constructing European borders and borderlands*, 87–118. Münster: LIT Verlag.
- Korjonen-Kuusipuro, K., Kuusisto-Arponen, A. K. (2012). Emotional silences: the rituals of remembering the Finnish Karelia. In B. Törnquist-Plewa, N. Bernsand (Eds.). *Painful pasts and useful memories. Remembering and forgetting in Europe. CFE Conference Papers Series, 5*, 109–126. Lund: Centre for European Studies.
- Kotliar, Y. (2021). Historical memory and historical science: European and Ukrainian discourses. *European Historical Studies, 18(2021)*, 78–88. DOI: 10.17721/2524-048X.2021.18.07
- Liu, F., Kang, J. (2016). A grounded theory approach to the subjective understanding of urban soundscape in Sheffield. *Cities, 50(2016)*, 28–39. DOI: 10.1016/j.cities.2015.08.002
- Löfgren, O. (2008). Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia. *European Urban and Regional Studies, 15(3)*, 195–209. DOI: 10.1177/09697764080904

- Lukianow, M., Wells, C. (2024). Territorial phantom pains: Third-generation postmemories of territorial changes. *Memory Studies*, 17(2), 177–192. DOI: 10.1177/1750698022112
- Marin, A. (2006). *Integration without joining? Neighbourhood relations at the Finnish-Russian border: DIIS Working Paper No. 2006/14*. Copenhagen: DIIS Working Paper.
- Meskel, L. (2012). *The nature of heritage: The new South Africa*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Mitchell, W. J. (1996). What do pictures “really” want? *October*, 77(Summer 1996), 71–82. DOI: 10.2307/778960
- Olick, J. K. (2009). Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? *International Journal of Politics, Culture, and Society IJPS*, 22(2), 249–252. DOI: 10.1007/s10767-009-9059-7
- Paasi, A. (1996). *Territories, boundaries, and consciousness: the changing geographies of the Finnish-Russian border*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Sihvo, H. (1999). Karelia: a source of Finnish national history. In M. Branch (Ed.). *National History and Identity: approaches to the writing of national history in the North-East Baltic region nineteenth and twentieth centuries*, 181–201. Helsinki: Finnish literature society.
- Tatunts, S. A., Ponamareva, A. M. (2021). Post-Soviet Russian identity building and politics of memory: scientific and public discourse. *Cuestiones Políticas*, 39(69), 407–423. DOI: 10.46398/cuestpol.3969.26
- Wilson, T. M., Donnan, H. (2012). Borders and border studies. In T. M. Wilson, H. Donnan. *A companion to border studies*, 1–25. Chichester: Wiley-Blackwell. DOI: 10.1002/9781118255223.ch1
- Wimmer, A. (2008). The making and unmaking of ethnic boundaries: A multilevel process theory. *American journal of sociology*, 113(4), 970–1022. DOI: 10.1086/522803

References

- Assmann, A. (2014). *The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assmann, J. (2022). *Cultural memory. Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity*. Litres. (In Russian).
- Babin, A. (1984). *The Karelian front in the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Bendix, R. F., Eggert, A., Peselmann, A. (2013). *Heritage regimes and the state*. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen. DOI: 10.4000/books.gup.348
- Bernadsky, V., Smirnov, I., Balagurov, Ya., Mashezersky, V. (1957). *Essays on the history of Karelia*, 2. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatelstvo Karelskoi Avtonomnoi Sovetskoi Socialisticheskoi Respubliki.
- Billington, R. A., Ridge, M. (2001). *Westward expansion: a history of the American frontier*. New Mexico: UNM Press.
- Boym, S. (2019). *The future of nostalgia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Bubrikh, D. (1947). *The origin of the Karelian people*. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatelstvo Karelskoi Avtonomnoi Sovetskoi Socialisticheskoi Respubliki. (In Russian).
- Dzhioshvili, E., Krivonozhenko, A., Litvin, Yu., Yalovitsyna, S. (2023). Historical and cultural traditions and identity of residents of single-industry towns of the “Karelian Arctic”: Segezha and Kostomuksha. *Herald of Anthropology*, 2023(3), 7–25. (In Russian). DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/7-25
- Fingerroos, O. (2008). Karelia: A place of memories and utopias. *Oral Tradition*, 23(2), 235–254. DOI: 10.1353/ort.0.0025
- Geismar, H. (2015). Anthropology and heritage regimes. *Annual Review of Anthropology*, 44(1), 71–85. DOI: 10.1146/annurev-anthro-102214-014217
- Hirsch, M. (2008). The generation of postmemory. *Poetics today*, 29(1), 103–128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019
- Hønneland, G. (2010). *Borderland Russians: Identity, narrative and international relations*. New York: Palgrave Macmillan.
- Hubbell, A. L., Rojas-Lizana, S., Akagawa, N., Pohlman, A. (2020). Acknowledging trauma in a global context: Narrative, memory and place. In A. L. Hubbell, N. Akagawa, S. Ro-

- jas-Lizana, A. Pohlman (Eds.). *Places of Traumatic Memory*, 1–12. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-52056-4_1
- Ilyukha, O. (2020). Sortavala neuvostokaude nmuistoissa. In T. Hämynen, H. Itkonen (Eds.). *Sortavala: Muutosten ja muistojen kaupunki. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*, 300–316. Kirjokansi.
- Ilyukha, O. (2004). Changing image of the neighbor: Finland and the Finns in the minds of Kostomuksha residents. In A. Camutali, O. Iljuha, G. Kovalenko (Eds.). *Many-faced Finland. The Image of Finland and Finns in Russia*, 358–374. Velikij Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennij universitet imeni Yaroslava Mudrogo. (In Russian).
- Ilyukha, O., Antoshchenko, A., Dankov, M. (1996). *History of Kostomuksha*. Petrozavodsk: Mega-Press. (In Russian).
- Izotov, A. (2008). Everyday life of a border town: post-war Sortavala. Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. In V. Iljuha, I. Mullonen (Eds.). *The humanitarian research*, 1, 53–64. Petrozavodsk: Karelsky nauchnyi tsentr Rossiiskoi Akademii Nauk. (In Russian).
- Izotov, A. (2018). *Mapping Sortavala: local identity formation in a Soviet and post-Soviet border town*. Copenhagen: DIIS Working Paper.
- Kansteiner, W. (2002). Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and theory*, 41(2), 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
- Katajala, K. (2012). From conflict to cooperation: paradigm changes in Finnish research into the history of Karelia and Eastern border. In K. Katajala, M. Lahteenmaki (Eds.). *Imagined, negotiated, remembered: Constructing European borders and borderlands*, 87–118. Münster: LIT Verlag.
- Konkka, U., Konkka, A. (2010). Arhippa Perttunen and Elias Lönnrot: How the Kalevala was created. *Trudi Karelskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk*, 2010(4), 86–96. (In Russian).
- Korjonen-Kuusipuro, K., Kuusisto-Arponen, A. K. (2012). Emotional silences: the rituals of remembering the Finnish Karelia. In B. Törnquist-Plewa, N. Bernsand (Eds.). *Painful pasts and useful memories. Remembering and forgetting in Europe. CFE Conference Papers Series*, 5, 109–126. Lund: Centre for European Studies.
- Kotliar, Y. (2021). Historical memory and historical science: European and Ukrainian discourses. *European Historical Studies*, 18(2021), 78–88. DOI: 10.17721/2524-048X.2021.18.07
- Leontev, P. (1990). *Kostomuksha*. Petrozavodsk: Kareliya.
- Litvin, Yu., Yalovitsyna, S. (2019). Images of “Friend-Follower” in in-depth interviews with Karelians and settlers to Karelia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, 22(2), 147–172. (In Russian).
- Liu, F., Kang, J. (2016). A grounded theory approach to the subjective understanding of urban soundscape in Sheffield. *Cities*, 50(2016), 28–39. DOI: 10.1016/j.cities.2015.08.002
- Löfgren, O. (2008). Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia. *European Urban and Regional Studies*, 15(3), 195–209. DOI: 10.1177/09697764080904
- Lowenthal, D. (2004). *The past is a foreign country*. Moscow: Vladimir Dal. (In Russian).
- Lukianow, M., Wells, C. (2024). Territorial phantom pains: Third-generation postmemories of territorial changes. *Memory Studies*, 17(2), 177–192. DOI: 10.1177/1750698022112
- Marin, A. (2006). *Integration without joining? Neighbourhood relations at the Finnish-Russian border: DIIS Working Paper No. 2006/14*. Copenhagen: DIIS Working Paper.
- Matveeva, E. (2021). Folk history of Sortavala in the stories of local residents. *Urban Folklore & Anthropology*, IV(1–2), 42–75. (In Russian).
- Matveeva, E., Radchenko, D., Petrov, N. (2021). *The city in the stories of people – Sortavala*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Melnikova, E. (2015). Local past on the border of the national: Local history museums of Northern Priladozhye in the Post-Soviet period. *Forum for Anthropology and Culture*, 2015(25), 9–41. (In Russian).
- Melnikova, E. (2017). Local and national in the space of the city holiday: City Day and song festival in Sortavala. In P. Suutari, I. Moshnikov, Yu. Shikalov, O. Davydova-Menge (Eds.). *Flexible ethnicities: ethnic processes in Petrozavodsk and Karelia in the 2010s*, 72–105. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

- Melnikova, E. (2019). Finnish cemeteries in Russia: cross-border memory groups and a new moral order. *Forum for Anthropology and Culture*, 2019(43), 11–40. (In Russian).
- Meskel, L. (2012). *The nature of heritage: The new South Africa*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Mitchell, W. J. (1996). What do pictures “really” want? *October*, 77 (Summer 1996), 71–82. DOI: 10.2307/778960
- Neiken, L. (2015). *Lakhdenpohja*. Lakhdenpohja: Redakciya gazety “Vesti Priladozhya”. (In Russian).
- Olick, J. K. (2009). Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? *International Journal of Politics, Culture, and Society IJPS*, 22(2), 249–252. DOI: 10.1007/s10767-009-9059-7
- Paasi, A. (1996). *Territories, boundaries, and consciousness: the changing geographies of the Finnish-Russian border*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Rostovtsev, E., Sosnitsky, D. (2014). Directions of historical memory research in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2014(2), 106–126. (In Russian).
- Safronova, Yu. (2019). *Historical memory: Introduction*. St. Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Sihvo, H. (1999). Karelia: a source of Finnish national history. In M. Branch (Ed.). *National History and Identity: approaches to the writing of national history in the North-East Baltic region nineteenth and twentieth centuries*, 181–201. Helsinki: Finnish literature society.
- Tatunts, S. A., Ponamareva, A. M. (2021). Post-Soviet Russian identity building and politics of memory: scientific and public discourse. *Cuestiones Políticas*, 39(69), 407–423. DOI: 10.46398/cuestpol.3969.26
- Verigin, S. (2017). Settlement and economic development of Sortavala and its environs in 1940–1941. *Petrozavodsk: Uchenie zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7(168), 42–48. (In Russian).
- Wilson, T. M., Donnan, H. (2012). Borders and border studies. In T. M. Wilson, H. Donnan. *A Companion to Border Studies*, 1–25. Chichester: Wiley-Blackwell. DOI: 10.1002/9781118255223.ch1
- Wimmer, A. (2008). The making and unmaking of ethnic boundaries: A multilevel process theory. *American Journal of Sociology*, 113(4), 970–1022. DOI: 10.1086/522803